

Внезапная перемена

Управляющий Сюй, заметив Чу Цы, вежливо улыбнулся, но тут же переключил всё внимание на своего юного господина. Глядя, как малыш совершает обряд посвящения, старик едва сдерживал умиление: в эти минуты Сяо Юй-эр был точной копией своего отца в детстве.

Учителю Шэню на вид было не больше двадцати шести лет. Закончив наставления, он велел Чжунли Юю отступить и жестом пригласил новых просителей.

Под пристальным взглядом учителя Сяо Юань сделал шаг вперёд и, сложив ладошки в чинном поклоне, звонко произнес:

— Ученик Чу Юань приветствует учителя.

— Не спеши, — остановил его Шэнь. — Прежде я должен задать тебе несколько вопросов. Приму я тебя лишь в том случае, если ответишь достойно.

Чжунли Юй только что прошёл через это испытание. Его познания были крепкими: он назубок знал «Троесловие» и «Правила для учеников», бегло читал «Стихи тысячи поэтов» и уже начал постигать «Сто фамилий», «Тысячесловие» и «Драгоценный лес юного учения».

Племянник Чу Цы занервничал. Дома он лишь немного учил иероглифы с дядей и прочёл всего пару книг. Хватит ли этого, чтобы угодить строгому наставнику?

Чу Цы мягко подтолкнул его в спину, шепнув на ухо:

— Не бойся. Отвечай честно, как знаешь. Главное — ничего не скрывай и не пытайся хитрить.

— Угу, — кивнул Сяо Юань и, повернувшись к учителю, расправил плечи. — Прошу, спрашивайте. Я готов.

— Прочти-ка мне самое начало «Правил для учеников».

Мальчик просиял — эта часть была ему знакома. Слова полились сами собой:

— «Правила для учеников — суть наставления мудрецов. Перво-наперво чти родителей и люби братьев, следом будь осторожен в делах и правдив в словах. Питай любовь ко всем людям и будь близок с добродетельными. Если же останутся силы, посвети их книжной премудрости».

Учитель Шэнь одобрительно кивнул:

— А знаешь ли ты, что значат слова: «Чти родителей и люби братьев, будь осторожен и правдив»?

Сяо Юань на мгновение задумался, вызывая в памяти объяснения наставника:

— Дядя говорил... это значит, что святые учили нас: дома нужно во всём слушаться отца с матерью, а в миру — почитать наставников и старших. И в каждом деле нужно держать своё слово, не допуская обмана.

— Хорошо. Теперь процитируй первый раздел из «Троесловия».

Ребёнок едва не подпрыгнул от радости. Он заложил руки за спину и звучно задекламировал:

— «В начале пути природа человека добра... Конг Жун в четыре года уже умел уступать груши. Почтение к старшим братьям — вот что должно знать прежде всего...»

— Читаешь ты отменно, — Учитель Шэнь позволил улыбке тронуть губы, но тут же задал следующий вопрос: — Все превозносят четырехлетнего Конг Жуна за его скромность. Скажи, если бы сегодня в училище могли принять только одного из вас, уступил бы ты это место ему? — он указал на Чжунли Юя.

Сяо Юань захлопал глазами и посмотрел на притихшего Сяо Юй-эра. Тот вцепился в края своих одежд, во все глаза глядя на нового знакомого. В детском взгляде читался неподдельный страх: вдруг этот старший мальчик скажет «нет», и тогда его выгонят?

Лицо Чу Цы похолодело. Он пристально посмотрел на Учителя Шэня, но встретил лишь спокойный, открытый взгляд. Наставник не выглядел злонамеренным, скорее — любопытствующим.

Вопрос был с подвохом. Согласиться на отказ от учёбы — значило показать слабость воли и отсутствие тяги к знаниям. Отказать — значило пойти против самой сути притчи о Конг Жуне. Чу Цы невольно сжал кулаки, гадая, как выкрутится его племянник.

— Но ведь Конг Жун был младшим братом и уступал старшим, верно? — Сяо Юань в недоумении склонил голову набок. — Я выше и старше, значит, я — старший брат. Почему вы не спросите об этом маленького братика? По правилам уступать должен он.

Детская логика, прямолинейная и безупречная, заставила Учителя Шэня на миг лишиться дара речи. Спустя мгновение он искреннее рассмеялся.

— Твоя правда. Учитель запутался и спросил не того, — Шэнь ласково потрепал мальчика по плечу. — Ты прекрасно справился со всеми заданиями. С этого дня ты — мой ученик.

Чу Цы мысленно сменил гнев на милость. Человек, способный признать ошибку перед ребенком, не мог быть заурядным педантом.

Приняв подношения, учитель Шэнь произнес краткую напутственную речь и увел обоих детей в главный зал — поклониться портрету Конфуция.

***

Оставшись наедине с Чу Цы, Управляющий Сюй нерешительно шагнул навстречу. Сюцай невольно напрягся, гадая, что старик собирается достать из-за пазухи. На мгновение Чу Цы даже захотелось принять боевую стойку, но Сюй лишь протянул ему запечатанное письмо.

— Сюцай Чу, позвольте представиться честь по чести. Я — главный управляющий поместья Коу. Мой господин однажды имел удовольствие встречаться с вами. Помните ли вы его?

В памяти Чу Цы мгновенно всплыла статная фигура мужчины с военной выправкой.

«Брат Коу?»

За всё время в этом мире он не встречал человека более мужественного и благородного. К тому же, Коу Цзин дважды выручал его из беды.

— Простите мою неосведомленность, — Чу Цы вежливо поклонился. — Брат Коу оказал мне неоценимую помощь, и мне до сих пор совестно, что я не нашел возможности отблагодарить его.

— Перед отбытием в лагерь господин говорил мне, что Сюцай Чу — человек горячего сердца и редкой честности. Он верил, что если у юного господина возникнут трудности в училище, вы не откажете ему в совете. В своем письме он прислал весточку и для вас. Я и не чаял, что судьба сведет нас так быстро.

Чу Цы принял конверт.

«Неужели этот холодный и неразговорчивый человек дома превращается в такого болтуна, что раздает подобные инструкции слугам?»

Коу Цзинцзин: «...»

Чу Цы развернул письмо.

«Почтенному Сюцаю Чу, — писал Коу Цзин. — Прошу простить мою дерзость. С нашей последней встречи миновало несколько месяцев, но звуки наших бесед до сих пор эхом звучат в моих ушах. Вскоре мой племянник поступит в училище. Опасаюсь, что дитя столкнется с тяготами в новой среде. Если пути ваши пересекутся, прошу, присмотри за ним по мере сил. Буду несказанно тебе обязан. Коу Цзин».

Прочитав строки, Чу Цы почувствовал, как по лбу пробегает тень сомнения. Он вспомнил, как при встрече называл мужчину «Братом Чжунли», а тот даже не поправил его! Теперь же выяснилось, что «Брат Чжунли» едва достаёт ему до бедра и ростом даже меньше Сяо Юаня.

«Что ж, долг платежом красен. Где один племянник, там и второй. Присмотрю, чтобы этого нежного кроху никто не обидел. В конце концов, для чего еще нужны племянники, как не для того, чтобы разделять тяготы дяди?»

На самом деле Коу Цзин просто хотел проявить вежливость. Он и представить не мог, что племянник Чу Цы окажется в том же Классе Просвещения. Училище было огромным, и пути младших учеников и тех, кто готовился к кэцзюй, почти не пересекались. Коу Цзин надеялся, что это письмо поможет Чу Цы не чувствовать себя вечным должником.

Однако Управляющий Сюй рассудил иначе. Раз уж ему подвернулся такой случай, нужно использовать его сполна. Если бы правила училища позволяли родственникам жить вместе с учениками, старик бы не раздумывая переехал сюда сам, лишь бы не оставлять Сяо Юй-эра одного.

— Раз он племянник Брата Коу, значит, и мне он как родной, — заверил Чу Цы. — Я присмотрю за ним.

— Ох, у меня прямо гора с плеч свалилась! — воскликнул Сюй. — Сюцай Чу, вы и не знаете, как наш маленький господин полюбил ваши картины!

— Вот как? — удивился Чу Цы. Оказывается, поклонником его творчества был не старый управляющий, а этот малыш. Любовь к портретам красавиц в столь нежном возрасте свидетельствовала о весьма... опережающем время чувстве прекрасного.

Старик вздохнул и вкратце поведал историю Чжунли Юя. Он опустил многие подробности, желая лишь одного: чтобы Чу Цы понял, почему его случайная зарисовка так дорога ребенку. Женщина на картине была поразительно похожа на покойную мать мальчика.

Слушая его, Чу Цы помрачнел. Теперь стало ясно, почему за простую работу ему отвалили пятьдесят лян и обеспечили «номер издания». Сердце кольнуло сочувствием.

В этот момент из зала вышли наставник с детьми, и разговор сам собой сошел на нет.

— Четырнадцатого февраля Класс Просвещения откроет свои двери. Прошу вас к этому сроку подготовить всё необходимое для учебы и быта, — объявил Учитель Шэнь.

Сюй и Чу Цы кивнули в знак согласия. Напоследок наставник обратился к Чу Цы:

— Что до того вопроса о груше... Прошу, не держи зла. Меня попросили проверить тебя. Кое-кто очень хотел убедиться, что у нашей «Звезды Словесности» и племянник под стать дяде.

Чу Цы лишился дара речи. Значит, это были смотрины? А он-то решил, что наткнулся на очередного интригана.

***

После успешного зачисления Сяо Юань заметно прибодрился. По дороге к дому Чжанов он вовсю крутил головой, разглядывая уличные лавки и яркие вывески. Чу Цы невольно залюбовался им: мир ребенка был так прост и светел.

Прикупив племяннику сладостей, Чу Цы вернулся в поместье Чжан. В главной зале царил хаос: столы и пол были завалены вещами, а Чжан Вэньхай и его матушка стояли друг против друга, явно в разгаре семейной баталии.

— Брат Чу, ну хоть ты ей скажи! — вскричал Вэньхай, завидев спасителя. — Я на уездный экзамен иду, а не на войну! Она хочет впихнуть в мою корзину всё, что есть в доме!

— Друг мой, ты не прав, — мягко осадил его Чу Цы. — Твоя матушка печется о тебе, боясь, что в суровых стенах тебе чего-то не хватит. Это зов любящего сердца, и негоже отвечать на него ворчанием.

Вэньхай притих, а Чу Цы повернулся к Госпоже Чжан:

— Однако, уважаемая госпожа, правила уездного экзамена суровы. Каждую вещь стража будет осматривать с пристрастием: ломать съестное, прощупывать швы. Лишний груз лишь затянет проверку и заставит вашего сына нервничать. Лучше оставить только самое необходимое.

Его слова подействовали на обоих. Мать и сын примирились, и вечер прошел в спокойствии. Старый Господин Чжан лишь благодарно кивал: Чу Сюй одним словом разрешил спор, над которым он бился битый час.

***

Двенадцатого февраля начался уездный экзамен.

Перед Залом для экзаменов на учёную степень было не протолкнуться. Сюда стекались сотни соискателей со всех окрестных деревень — на вид их было никак не меньше четырех сотен. Молодых лиц среди них было немного, преобладали люди зрелые и даже пожилые.

В этом году предстояло отобрать пятьдесят человек — конкурс был один к восьми. По сравнению с богатым Югом, где на одно место претендовало по шестьдесят человек, здешние условия казались почти милосердными.

Чжан Вэньхай мерил шагами пространство возле повозки.

— Да где же Цзиньян? Неужели решил войти последним? Брат Чу, как думаешь, что его держит?

— Понятия не имею... — пробормотал Чу Цы, едва разлепляя веки. В руках он баюкал спящего Сяо Юаня, который, завернутый в одеяло, мирно посапывал, разрумившись во сне.

Это было расплатой за все мучения, что Чу Цы устроил своим ученикам. Накануне племянник, возбужденный скорым началом учебы, не давал дяде сомкнуть глаз всю ночь. А едва Чу Цы забылся сном, его растолкал Вэньхай, слезно умоляя проводить его до ворот.

Сяо Юань, проснувшись, вцепился в дядю и в слезах запричитал, что не останется один. Пришлось кутать сонного ребенка в одеяло и брать с собой в повозку.

Наконец показался Фан Цзиньян. Чу Цы мазнул по нему взглядом и заметил странный лихорадочный румянец на его щеках, но тот не жаловался, и Чу Цы решил, что юноша просто перенервничал или слишком быстро бежал.

Друзья обменялись парой фраз, и вскоре стража начала запуск. Подхватив корзины, Вэньхай и Цзиньян поспешили к воротам.

Когда тяжелые двери закрылись, Чу Цы велел кучеру возвращаться. Сейчас — только сон. А к вечеру он вернется за своими подопечными.

***

В начале часа Шэнь, хорошенько выспавшийся и успевший проверить задания племянника, Чу Цы снова был у ворот Зала для экзаменов.

После трех ударов колокола из ворот начали выходить первые соискатели. Чжан Вэньхай шел в толпе, сияя от счастья. Первый день прошел блестяще: вопросы по канонам не вызвали

затруднений, задачи по математике он щелкал как орехи, а стихи всегда были его сильной стороной. Но самым чудесным было то, что тема для рассуждения почти дословно повторяла ту, что Чу Цы давал им на последней репетиции!

Вэньхай чувствовал себя так уверенно, что другие кандидаты награждали его завистливыми взглядами.

— Брат Чу! — он бросился к другу, совершенно не замечая собственных родителей, стоявших чуть поодаль. Старики лишь вздохнули: их обожаемый сын летел к худощавому Сюцаю Чу, забыв обо всём на свете!

— Судя по твоему виду, победа у тебя в кармане, — подмигнул Чу Цы.

Вэньхай зарделся, но отрицать не стал. Чтобы унять радость, он огляделся по сторонам:

— А где Цзиньян? Неужели еще не вышел?

Толпа у ворот заметно поредела. Друзья замерли в ожидании, не понимая, что могло задержать Цзиньяна. Когда тревога стала почти невыносимой, в дверях наконец показались люди.

Фан Цзиньян, бледный как полотно, висел на руках у двух яча. Чжан Вэньхай и Чу Цы бросились к ним. Завидев друзей, Фан разрыдался.

— Вэньхай, Брат Чу... Кажется, я снова всё провалил!

С этими словами он закрыл глаза и обмяк.

Один из стражников, привыкший к подобному, равнодушно пояснил:

— Парень рухнул прямо посреди прохода. Забирайте его домой, отпаивайте да утешайте. Придет в следующем году, делов-то.

— Благодарю вас, почтенный, — Чу Цы отвесил поклон и вместе с Вэньхаем помог устроить бесчувственного друга в повозку.

На другой стороне площади родители юноши, наконец разыскав своих, чуть сами не лишились чувств. Госпожа Фан запричитала на всю улицу, умоляя поскорее гнать лошадей к дому.

***

— Ваш сын занемог еще прошлой ночью, — сурово произнес лекарь, закончив осмотр. — Идти в таком состоянии на экзамен было безумием. Теперь ему нужен полный покой. Вот рецепт: четыре чаши воды уварить до одной и давать пить.

Старик вздохнул и удалился. Господин Фан повернулся к Чу Цы и Вэньхаю, низко кланяясь:

— Наш Цзиньян всегда был слаб здоровьем, это мы, по своей жадности, толкали его на этот путь. Спасибо вам, верные друзья, что не бросили его в беде и привезли его целым и невредимым.

— Что вы, дядя! — друзья едва успели подхватить старика под руки.

— И всё же, — подал голос Вэньхай, хмуря брови. — В моем доме Цзиньян чувствовал себя прекрасно и ни разу не занемог. Почему же, стоило ему вернуться к вам на два дня, как у него начался жар? Неужели сам этот дом идет вразрез с его судьбой?

— Брат Чжан, придержи язык! — резко осадил его Чу Цы, видя, как вытянулось лицо Господина Фана. Обвинять хозяев в дурном фэншуй их собственного дома было верхом неприличия.

<http://bllate.org/book/15354/1423615>